

— Ты ведь ему невестка, как у тебя язык поворачивается так о нём отзываться? — Ян Си нахмурился. — У кого в юности не водилось грешков? Ну да, прежде кутил и бродяжничал, но ты же сама только что видела, как он остепенился, как держится с достоинством! Все эти годы он шёл рука об руку со мной. Когда мы подняли восстание, разве не они с Юньци вынесли на своих плечах самые жестокие битвы? В последнее время ко мне то и дело приходят князья да вельможи, просят выдать за него своих дочерей. Я отказываю лишь потому, что боюсь обидеть брата неподходящей партией. А ты думаешь, мой младший брат никому не нужен?

— Твой брат идеален, ладно уж, — вздохнула Цэнь Вэньцзян. — А я, непутёвая невестка, кругом виновата, так что прошу у Вашего Величества прощения. Но судя по твоим словам, ты действительно решил сосватать его за Сяо Мэй? Боюсь, наша младшая твоему драгоценному брату не пара. Не стоит так обременять его, подыщи ему кого-нибудь получше.

— Подходит она ему или нет, решать не тебе, а тестю, — отрезал Ян Си. — Да и у самой Сяо Мэй не мешало бы спросить.

Цэнь Вэньцзян промолчала. Она и сама видела, что Цэнь Умэй питает нежные чувства к Ян Е. По знатности рода они действительно были равны. Но легкомысленный нрав этого человека и его бывшая слава столичного повесы гремели по всей Поднебесной.

«Как я могу доверить ему судьбу родной сестры? — со смутным страхом подумала она. — Могли бы я быть спокойна за её будущее?»

— Позволь мне сначала поговорить с сестрой, — негромко, с явным беспокойством в голосе произнесла она.

Как только Ян Е пошёл на поправку, он сразу же изъявил желание вернуться в собственное поместье. Однако Ян Си и слушать об этом не хотел, так что переезд изо дня в день откладывался.

Приближался праздник Двойной тройки. В этот день у Бэйчэнь Цина выдалось свободное от службы время; он вернулся в город и сразу направился во дворец, в Зал Нефритовой Роскоши, чтобы навестить Ян Е. Больной держался вяло и неохотно цедил слова, а Бэйчэнь Цин смотрел на него со смутной тоской. Они сидели в тягостном молчании, удручённые и поникшие, точно пережили страшную катастрофу и теперь не знали, о чём говорить.

«И сколько мы ещё будем так сидеть?» — мысленно вздохнул Ян Е, устав от затянувшегося безмолвия.

— Юньци, поговори с братом, — негромко попросил он. — Пусть отпустит меня в моё поместье. Я здесь в четырёх стенах от скуки скоро с ума сойду.

— Станет император меня слушать, — хмуро отозвался Бэйчэнь Цин. — Моё слово здесь ничего не решает.

— Если уж твоё слово ничего не значит, то во всей Поднебесной больше нет человека, к которому он бы прислушался.

Бэйчэнь Цин опустил голову и снова замолчал. Он долго колебался, прежде чем неуверенно, слегка запинаясь, выговорить:

— Правда не послушает... Сяо Лан, я хотел спросить тебя об одном деле. Помнишь, у заставы Фэньюй Его Величество пообещал, что, когда завоюет Поднебесную, исполнит по одному нашему желанию? Ты ведь помнишь это?

— Помню, — кивнул Ян Е.

— И чего бы ты хотел?

— Не знаю, — покачал головой Ян Е. — Мне вроде бы всего хватает, так что обойдусь.

— А вот я... я...

— Не решаешься попросить брата напрямую? — догадался Ян Е. — Можешь довериться мне, я поговорю с ним. Скоро как раз начнётся Праздник цветов, ты ведь наверняка прибудешь во дворец. Вот тогда и спросим у него.

— Сяо Лан, дело в том, что я... — Бэйчэнь Цин нахмурился, подбирая слова. — Я даже не знаю, как выразить это. Но ты обязательно должен мне помочь.

Его голос заметно дрожал. Почуввав неладное, Ян Е повернулся к нему.

— Не волнуйся. Если это в моих силах, я сделаю всё возможное.

Из-за приготовлений к Празднику цветов весь дворец стоял на ушах. Лишь выздоравливающий Ян Е изнывал от безделья. Чтобы хоть как-то развеять скуку, он то и дело бродил по Императорскому саду, где всякий раз — совершенно случайно — сталкивался с Цэнь Умэй. Девушка проводила дни в дворцовой оранжерее, ухаживая за бутонами пионов, которые должны были украсить торжество. От нечего делать Ян Е часами наблюдал за её работой. Постепенно прежняя неловкость между ними исчезла, уступив место дружеской теплоте и непринуждённому общению.

В один из дней к Ян Е явился евнух с докладом: старый князь Цэнь прислал из Чанъани искусных артистов, дабы те своим выступлением украсили государев пир. Труппа временно разместилась в придворной школе искусств за пределами дворца. Узнав, что князь Хуай ныне пребывает в императорских покоях, глава труппы пустил в ход свои связи, чтобы передать во внутренние покои визитную карточку и испросить аудиенции.

Бегло проглядев визитную карточку, Ян Е обронил:

— Пусть войдёт.

Ян Е ожидал гостя в главном зале Дворца Нефритовой Роскоши. Завидев Се Ляньфана, которого вёл слуга, он мягко улыбнулся. За те два года, что они не виделись, хозяин Се ничуть не изменился: всё так же щеголял в изящных весенних одеждах, утончённый и кокетливый. Его лицо озаряла привычная, приторно-сладкая улыбка, но при виде Ян Е он внезапно осёкся. Веселье сбежало с его лица; Се Ляньфан торопливо подбежал ближе и взволнованно заговорил:

— Ваше Высочество! До меня доходили слухи о вашей болезни, но я и представить не мог, что вы так исхудали! Сердце кровью обливается при виде вас. Присядьте же, прошу, поберегите силы.

Он заботливо поддержал Ян Е под локоть, усаживая на стоявшую рядом кушетку-рохан, а сам вознамерился опуститься на колени для торжественного приветствия.

Ян Е удержал его, не дав опуститься на пол, и со смехом потянул вверх:

— К чему эти церемонии!

Он усадил Се Ляньфана рядом с собой и спросил:

— Зачем пожаловал в Лоян из такой дали? Неужто ради встречи со мной?

Се Ляньфан взял его за ладонь и принялся кончиками пальцев нежно очерчивать круги на его руке.

— Если скажу, что ехал только к вам, вы ведь всё равно не поверите, — лукаво улыбнулся он. — И всё же моё сердце стремилось именно сюда, к вашему высочеству. А поручение князя Цэня — лишь удобный предлог.

Ян Е ласково приподнял его за подбородок.

— Всё такой же льстец, язык словно мёдом помазан, — рассмеялся он. — Я слышал, твои артисты сейчас в городской школе искусств. Как удачно, у меня к тебе есть одна просьба.

— О какой «просьбе» может идти речь, Ваше Высочество? — пылко воскликнул Се Ляньфан. — Потребуй вы мою жизнь — отдал бы без раздумий. Ради вас я готов и в огонь, и в воду, пусть хоть кожу с меня заживо сдерут, я слова против не скажу.

— Будет тебе, замолчи, — со смехом оборвал его Ян Е. — Твои речи сладки, да только льются нескончаемым потоком, точно Хуанхэ в половодье. Лучше отбери из своей труппы несколько умелых танцовщиков или танцовщиц и пришли ко мне во дворец. Они мне пригодятся.

Се Ляньфан поспешно закивал. Его влажные глаза преданно ловили каждый жест Ян Е. Заметив глубокую, затаённую грусть на дне этого взгляда, он осторожно протянул руку и коснулся щеки князя.

— Вы очень изменились, Ваше Высочество, — тихо проговорил он со вздохом.

— Все мы стареем, оттого и меняемся, — отозвался Ян Е.

Они поболтали ещё немного, перекидываясь шутливыми фразами. Ян Е угостил Се Ляньфана обедом, после чего тот откланялся, а на следующий день вернулся во дворец, приведя с собой тех, о ком его просили.

Второго числа третьего месяца Цэнь Умэй принялась перевозить пионы в Зал Собрания Бессмертных. За балюстрадой Террасы Прекрасной Весны цветы тоже начали распускаться, но их было куда меньше, чем тех, что вырастили в оранжерее. Ян Е не смыслил в садоводстве, а потому просто сидел в сторонке и наблюдал. Под чутким руководством девушки холодные залы меньше чем за полдня превратились в благоухающий, изысканный сад.

Они провозились до позднего вечера, прежде чем разойтись по своим покоям. Перед самым сном к Ян Е явился слуга от императора: он доставил новые парадные одежды с головным убором и передал волю государя — князю Хуай надлежит облачиться в них завтра к началу Праздника цветов.

На следующее утро Ян Си поднялся на рассвете и в сопровождении свиты направился в Зал Собрания Бессмертных, куда уже съезжались придворные. Спустя некоторое время у входа показались Бэйчэнь Цин и Ян Е. На пороге Бэйчэнь Цина тут же перехватили военные чины, утянув в сторону с какими-то расспросами, и Ян Е вошёл в зал один, ведомый евнухом.

Ян Си с улыбкой наблюдал за приближением брата. На том было алое одеяние с узорами в виде облаков, подпоясанное нефритовым ремнем, а волосы скреплял золотой венец. Болезнь лишила его прежней округлости черт, но сделала лицо ещё более благородным и мужественным.

«Мой Сяо Лан вырос... Совсем взрослым стал», — мысленно вздохнул правитель.

Он торопливо спустился с помоста и приподнял Ян Е, не дав ему склониться в поклоне. Взяв брата за руку, император ласково произнес:

— Ты только оправился от недуга, оставь эти церемонии.

— Благодарю, императорский брат, — ответил Ян Е.

Окинув взглядом расставленные повсюду цветы, Ян Си поинтересовался:

— Это те самые пионы, о которых вы заботились вместе с Сяо Мэй?

— Да где уж мне, — усмехнулся Ян Е. — Я лишь крутился рядом с Цэнь Умэй да мешался под ногами. Разве что выучил названия нескольких сортов.

— Вот как? Ну-ка, покажи мне, — заинтересовался Ян Си.

Они неспешно пошли вдоль рядов, обсуждая цветы. В этот момент в зал во главе с канцлером Му вошли придворные и почтительно замерли у дверей, ожидая дозволения занять свои места.

Братья остановились возле крупного куста. На нём распустился лишь один цветок — пламенно-алый, ослепительно яркий, точно расшитый шёлк на солнце. Остальные бутоны едва набухли.

— А это что за сорт? — спросил Ян Си, разглядывая куст. — Почему расцвёл только один бутон?

— Этот сорт зовётся «Пурпурным одеянием первого ранга», — пояснил Ян Е. — Редчайший цветок. Он зацветает позже остальных пионов, так что даже в оранжерее удалось пробудить лишь этот единственный бутон.

— «Пурпурное одеяние первого ранга»... — негромко повторил Ян Си. — Красивое имя. И держится так гордо, распускаться не спешит. Сразу видно — царственная порода.

Он повернулся к брату и, протянув руку, осторожно сорвал великолепный цветок.

— Имя прекрасное, и сам цветок под стать моему Сяо Лану.

Ян Си ловким движением заколот пион за золотой венец на голове брата и, прищурившись, оглядел его с ног до головы.

— Как же сильно ты исхудал за время болезни... Ты всё жалуешься, что у меня во дворце скучно. Что ж, отпразднуем сегодня, и можешь возвращаться в своё поместье. Нам с тобой немало пришлось пережить, через такие грозы прошли. Теперь нужно просто жить и радоваться. Слушайся меня, не пускайся больше во все тяжкие, береги себя, и всё наладится.

Ян Е открыто и искренне улыбнулся.

— Слушаюсь. Спасибо тебе, императорский брат.

Заметив вошедшего в зал Бэйчэнь Цина, который скромно держался поодаль, он добавил:

— Чуть позже я преподнесу тебе один особенный подарок.

— Вот как? И что же это? — полюбопытствовал Ян Си.

— Секрет, — задорно прищурился Ян Е. — Скоро сам увидишь.

— Хорошо, тогда и у меня для тебя найдётся сюрприз. Тоже пока промолчу, узнаешь в своё время.

Слуга почтительно доложил, что все чиновники и иноземные послы собрались и ждут дозволения войти. Ян Си кивнул, отпустил руку брата и велел евнуху:

— Раз уж случай праздничный, позови императрицу и Цэнь Умэй. Пусть тоже полюбуются на цветы, сегодня можно обойтись без излишней строгости.

Вскоре появились сёстры Цэнь. Придворные совершили торжественный поклон перед императором и императрицей, после чего правитель жестом велел всем занять свои места. Пол просторного зала устлали мягкие шерстяные ковры, вдоль стен тянулись ряды низких столиков с мягкими подушками для сидения. Прибывшие рассаживались согласно чинам и званиям: в самом зале расположились иностранные посланники и сановники не ниже четвертого ранга, прочие же чиновники разместились снаружи, на Террасе Прекрасной Весны.

Стояла середина весны — то благодатное время, когда прохлада уже отступила, но летний зной ещё не вошёл в силу. К полудню солнце поднялось высоко, наполняя воздух тёплым, дурманящим ароматом цветов. Сбоку от главного помоста заиграл оркестр. Под нежные звуки флейт и лютней один за другим сменялись придворные танцевальные номера, уступая место представлениям, подготовленным заморскими гостями. Разумеется, артисты, присланные старым князем Цэнем, выступали первыми.

Танцовщицы плавно взмахивали длинными рукавами, изгибаясь с невероятным изяществом, а голоса певцов взмывали под самые своды, заглушая шум ветра. Понемногу скованность улетучилась: полилось вино, зазвенели кубки, послышался весёлый смех. Праздничное оживление охватило и залы дворца, и террасы.

Ян Си сидел на невысоком возвышении во главе зала, подперев подбородок рукой и с улыбкой глядя на веселье. С самого дня восхождения на престол государственные дела навалились на него тяжким бременем, и лишь теперь, когда всё постепенно устроилось и вошло в колею, он мог позволить себе перевести дух. Сердце императора наполнялось тихой радостью.

Он медленно обвёл взглядом присутствующих. Слева от него расположились императрица и Цэнь Умэй, а между ними устроился наследный принц Ян Шо. Государыня в строгом парадном облачении выглядела величаво и строго; Цэнь Умэй в платье цвета речной лазури казалась воплощением нежности и утончённости. Женщины тихо переговаривались, наблюдая за представлением. По правую руку сидел Ян Е, подперев щеку кулаком и сосредоточенно глядя перед собой. Бэйчэнь Цин примостился рядом с ним; он тоже смотрел на сцену, но его лоб прорезала глубокая складка, выдавая напряжённую работу мысли.

Вспомнив об одном деле, Ян Си взял с блюда засахаренную сливу и шутливо бросил её в брата.

Ян Е вздрогнул, выныривая из своих мыслей.

— Что случилось, императорский брат?

— Ты обещал мне подарок, — с улыбкой напомнил Ян Си. — И где же он?

— Как раз об этом и думал, — отозвался Ян Е. — Подожди немного, я сейчас вернусь.

Он поднялся и быстро вышел из зала.

Представления сменяли друг друга, каждое было краше и причудливее прежнего. Гости уже хмелели от вина и зрелищ, когда музыка внезапно переменилась. Нежные звуки струнных затихли, уступая место чёткому, дробному стуку барабанов — то торопливому, то размеренному, словно крупные жемчужины рассыпались по нефритовому блюду.

Под этот ритм в зал вошёл Вэй Линьсянь в сопровождении стражников. Они несли шесть огромных барабанов. Один, самый большой, установили в центре ковра, а пять поменьше расставили вокруг него в форме цветка дикой сливы.

Пока присутствующие в недоумении переглядывались, двери зала распахнулись. Стройный, изящный силуэт промелькнул на пороге и взмыл ввысь. Сделав в воздухе три безупречных сальто, фигура легко, точно пушинка, опустилась на центральный барабан. Это была девица в роскошном алом наряде. Её волосы были уложены в высокую причёску, которую венчал распустившийся пламенно-красный пион, выгодно оттенявший тонкие черты лица и яркие глаза. По длинному шлейфу платья были расшиты нежно-розовые лепестки дикой яблони; стоило ей закружиться в танце, как ткань взметнулась, создавая иллюзию буйного весеннего цветения.